

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

Ю.В. Шичанина

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.12729

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ: ПЁТР ДЕМЬЯНОВИЧ УСПЕНСКИЙ. МНОГОМЕРНАЯ ВСЕЛЕННАЯ И «СИСТЕМА» Г. ГУРДЖИЕВА. Очерк второй

Аннотация. *Философские воззрения одного из самых загадочных и неоднозначных духовно-нравственных искателей XX века, Петра Демьяновича Успенского, представлены как жизненный путь мыслителя, который в отличие от хроники жизненных фактов насыщен философской рефлексией, обладает внутренней психологической правдой, отражает событийность идей изнутри личной биографии человека-философа. Духовно-нравственные искания с философской точки зрения предполагают, прежде всего, некий поиск, процесс, живую стихию, в отличие от классических философских систем и квалификационных научных работ, которые по структуре и содержанию являются, прежде всего, изложением результатов завершеного исследования. Философия Петра Демьяновича Успенского рассмотрена не как система категорий, а как духовно-нравственные искания человека-философа. В этом смысле она обладает актуальным потенциалом творческого соучастия, переосмысления в актуальном запросе современности универсальных философских идей и вечных ценностей. Анализ и изложение сконцентрированы вокруг нескольких наиболее фундаментальных для его творчества идей: тайного знания, эзотерического христианства, экспериментальной мистики, четвертого измерения, многомерной вселенной, сверхчеловека, вечного возвращения и «психологической» эволюции человечества. Все они тесно взаимосвязаны и многогранно раскрываются во взаимном круговращении, иллюстрируют и дополняют друг друга. В очерке втором исследовательский интерес сосредоточен на так называемом «гурджиевском» периоде (1915-1924) творчества П.Д. Успенского, противоречиях отношений учителя с учеником, гурджиевской «системы» с оригинальными идеями Успенского. Это были годы плодотворной работы над новой моделью вселенной и методами психологической эволюции человечества и одновременно годы мытарств, душевного разлада и переоценки ценностей.*

Ключевые слова: *П.Д. Успенский, новая модель вселенной, тайное знание, экспериментальная мистика, четвертое измерение, эзотерический круг, сверхчеловек, «психологическая» эволюция, система Г. Гурджиева, человек новой расы.*

Продолжая рассмотрение¹ философских воззрений одного из самых загадочных и неоднозначных духовно-нравственных искателей XX века, Петра Демьяновича Успенского в контексте его жизненного пути и автобиографии, сосредоточимся на так называемом «гурджиевском» периоде (1915-1924) творчества

П.Д. Успенского, противоречиях отношений учителя с учеником, «системы» Гурджиева с оригинальными идеями Успенского. Это были годы плодотворной работы над новой моделью вселенной и методами психологической эволюции человечества и одновременно годы мытарств, душевного разлада и переоценки ценностей.

Не вдаваясь во все нюансы и подробности творческой дружбы и конфликта Гурджиева и Успенского, отметим их основные вехи. Целесообразнее всего обратиться к интерпретации самого Успенского. В автобиографическом фрагмен-

¹ См. начало: Шичанина Ю.В. Духовно-нравственные искания как жизненный путь: Пётр Демьянович Успенский. Поиски иных измерений и тайного знания. Очерк первый // Философия и культура. 2014. № 9(81). С. 1344-1354.

те 1935 г., автор описывает и саму судьбоносную встречу, и ее исторические и метафизические последствия: «Весной 1915 года я встретил в Москве странного человека, который вел нечто вроде философской школы. Это был Г.И. Гурджиев. Он и его идеи произвели на меня очень большое впечатление. Очень скоро я понял, что он нашел многое из того, что я искал в Индии. Я понял, что я встретился с совершенно новой системой мышления, превосходящей все, что я знал до тех пор. Эта система давала совершенно новый взгляд на психологию и объясняла то, чего я не мог понять прежде в эзотерических идеях и «школьных принципах». Я провел неделю с Г. в Москве и вернулся в Петербург очень воодушевленным. Осенью 1915 года Г. приехал в Петербург и после этого стал приезжать регулярно, давая лекции в маленьких группах, которые я для него организовывал. В конце 1916 года я оказался в батальоне гвардейских саперов. Это было странное, но не неприятный опыт. Спустя четыре месяца я был демобилизован из-за плохого зрения. Это было за две недели до революции. У меня не было иллюзий об этой революции и я понял, что дни России сочтены. Я решил ехать за границу, дожидаясь окончания войны в одной из нейтральных стран, и затем продолжать мою работу в Лондоне, где еще раньше, на обратном пути из Индии, я сделал некоторые приготовления для издания моих книг. Мой отъезд из России был отложен из-за моей связи с Г... Г. уехал на Кавказ перед революцией, и некоторое время я не имел от него никаких известий. Я получил от него письмо только в июне, и немедленно выехал на его родину в Закавказье. В следующем месяце Г. пригласил членов московской и петербургской групп на Кавказ. Мы провели конец лета 1917 года в Эссентуках, курортном городе с минеральными водами на Северном Кавказе, и в сентябре переехали в Туапсе, на Черном море. Я поехал в Петербург в последний раз осенью 1917 и покинул его за неделю до свержения временного правительства большевиками. Я приехал назад на Кавказ и после этого оставался там больше двух лет, вначале на побережье Черного моря и позже снова в Эссентуках. Весь этот первый год я был с Г., но летом 1918 года я начал чувствовать, что перестал понимать его, или его взгляды изменились, и считал необходимым разделить для себя Г. и систему, в которой у меня не было сомнений. Но это не очень помогло, поэтому в конце концов я ушел от Г. и вскоре после этого он уехал из Эссентуков в Тифлис. Я провел очень трудную зиму в Эссентуках. В

то время город был в руках большевиков, и везде вокруг нас была гражданская война. В январе 1919 года мы были освобождены белыми. Но было ясно, что это только временное освобождение. Если я хотел продолжать мою работу, было необходимо ехать за границу, как я намеревался в самом начале. Я провел лето и осень 1919 года в переездах между Екатеринодаром, Ростовом и Новосибирском, и в январе 1920 года уехал из России в Константинополь и оставался там около полутора лет. Константинополь тогда был полон русскими. Я начал там лекции по психологии, о моих путешествиях, и т.д., и летом 1920 года я встретил Г., который переехал туда из Тифлиса. Я попробовал работать с ним снова, но вскоре нашел это невозможным по тем же причинам, что и раньше. В августе 1921 я уехал из Константинополя в Лондон. Я начал мои лекции в Лондоне и встретил многих людей, интересовавшихся теми же идеями. В феврале 1922 Г., живший тогда в Германии, посетил Лондон. Я был все еще очень заинтересован его работой, но на этот раз я очень твердо решил начать работать отдельно. Г. уехал во Францию. Я многими способами помогал ему организовать работу там, и в 1922 и 1923 годах много раз посещал Париж и Фонтенбло. В конце 1923 я обнаружил, что не могу больше поддерживать связь с Г., потому что полностью перестал понимать его, и я окончательно расстался с ним в январе 1924 года»².

Однако этот на первый взгляд исчерпывающий отчет оставляет за «кадром» многое. Невидимые нити, связавшие Успенского с Гурджиевым, были намного прочнее и протянулись гораздо дальше окончательного официального разрыва (в 1924 г.) в жизни обоих. Как отмечает один из наиболее беспристрастных исследователей жизни и творчества Успенского и Гурджиева, – Аркадий Ровнер, – Успенский увлекся Гурджиевым как бы вопреки своей воли. Он увидел в нем посвященного и знающего, учителя, а потому был готов пройти под его руководством трудный путь инициации сам.

Немаловажно, что доверие к учителю-Гурджиеву росло и сохранялось в следствие почти полного совпадения собственных идей Успенского и того, что говорил учитель. «Что более всего интересует меня в этой системе космосов, – пишет Успенский

² Успенский П.Д. Автобиографический фрагмент // Успенский П.Д. Дальнейшие записи. Выдержки из бесед 1928-1945. (URL: <http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).

в «Поисках чудесного», – так это то, что я вижу в них полный “цикл измерений” моей “Новой модели вселенной”. Это не просто совпадение деталей, а абсолютное сходство. Не знаю, как это получилось: я никогда не слышал о семи космосах, относящихся друг к другу, как ноль к бесконечности. Тем не менее, мой “цикл измерений” абсолютно точно совпадает с ними... Лекция Гурджиева о космосах и следующая за ней беседа сильно возбудили мое любопытство. Это было прямым переходом от “трехмерной вселенной”, с которой мы начали, к проблемам, разработанным в моей “Новой модели вселенной”, т.е. к проблемам времени, пространства и высших измерений, над которыми я работал в течение нескольких лет...

Особенно часто я вспоминал слова Гурджиева о том, что в разных космосах время оказывается различным. Я чувствовал, что здесь скрывается загадка, которую я могу и должен решить»³.

Известно так же, что с Гурджиевым связано чудесное «пробуждение» сознания Успенского, когда внезапно между учителем и учеником установился почти двухнедельный телепатический контакт, и то, что до сих пор казалось Успенскому мимолетным пребыванием в вечности, теперь обрело реальную длительность бодрствующего духа. Тогда же Успенский отметит и некоторую усталость от столь тесного общения между «пробужденными». Когда, через восемь долгих лет, эта усталость достигнет своего предела, пути учителя и ученика вновь разойдутся. Успенский станет избегать публичных высказываний и критики в адрес Гурджиева, а в своих записях будет именовать его одной литерой «Г». Тем не менее он никогда не сожалел об их встрече и практически до конца жизни сохранил теоретическую приверженность идеям «системы» и «работы».

Читая автобиографические произведения, например, «В поисках чудесного», нельзя не заметить, что Успенский пишет о Гурджиеве без пиетета, отдавая ему должное и одновременно настроен, особенно вначале знакомства весьма критически. Суэта, экзальтация публики, зарабатывание денег вокруг «чудесного» не близко Успенскому, но именно с этой ипостаси Гурджиева начинается их заочное знакомство. «Однажды, подготавливая в редакции очередной номер, я обнаружил заметку (кажется, в “Голосе Москвы”), где упоминалось о

сценарии балета “Борьба магов”, который, как утверждала газета, принадлежал некоему “индийцу”. Действие балета должно происходить в Индии и дать полную картину восточной магии, включая чудеса факиров, священные пляски и тому подобное. Мне не понравился излишне самоуверенный тон заметки, но, поскольку индийские авторы балетных сценариев были для Москвы редкостью, я вырезал ее и поместил в своей газете, дополнив словами, что в балете будет все, чего нельзя найти в настоящей Индии, но что путешественники жаждут там увидеть». И далее об этом «после Пасхи я отправился в Москву, чтобы и там прочесть свои лекции. Среди людей, которых я встретил на чтениях, оказалось двое, музыкант и скульптор, которые вскоре сообщили мне, что в Москве есть группа, где занимаются различными “окультистскими” исследованиями и экспериментами под руководством некоего Гурджиева, кавказского грека; как я понял, это был тот самый “индиец”, что написал сценарий балета, упоминавшийся в газете, которая попала мне в руки три-четыре месяца назад. Должен признаться, что все рассказы этих двух людей о группе и о том, что там происходит, – все виды самовнушенных чудес, – меня почти не заинтересовали. Такие рассказы я уже слышал много раз, так что по отношению к ним у меня сформировалось вполне определенное мнение.

Так, какие-то женщины видят вдруг в комнате чьи-то “глаза”, которые парят в воздухе и очаровывают их; женщины следуют за ними с улицы на улицу, пока наконец не приходят к дому “восточного человека”, которому и принадлежат глаза. Или другие люди в присутствии этого же “восточного человека” внезапно ощущают, что он смотрит сквозь них, видит все их чувства, мысли и желания; они испытывают необычное ощущение в ногах и не способны двинуться, а затем подпадают под его влияние до такой степени, что он может заставить их делать все, что захочет, даже на расстоянии. Эти и многие другие подобные истории всегда казались мне просто скверными выдумками. Люди сочиняют себе на потребу чудеса – и в точности такие же, каких ожидают сами.

Это какая-то смесь суеверия, самовнушения и недоразвитого мышления; согласно моим наблюдениям, такие истории никогда не возникают без определенного содействия со стороны лиц, к которым они относятся.

Так что, имея в виду свой прошлый опыт, я согласился встретиться и поговорить с Гурджиевым

³ Успенский П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения. СПб., 1992. Гл. 10. (URL: <http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).

лишь после настойчивых усилий некоего М., одного из моих новых знакомых. Первая встреча с Гурджиевым совершенно перевернула мое мнение о нем и о том, чего я мог бы от него ожидать»⁴.

Описывая эту первую судьбоносную встречу, Успенский отмечает, что Гурджиев производил странное, неожиданное и почти пугающее впечатление плохо переодетого человека, «не того, за кого себя выдает», а между тем с ним приходится общаться и вести себя так, как если бы это было не очевидно; человека, который говорил по-русски неправильно, с сильным кавказским акцентом «и самый этот акцент, с которым мы привыкли связывать все, что угодно, кроме философских идей, еще более усиливал необычность и неожиданность впечатления»⁵.

С первой и до последней встречи, Успенский размышляет об очевидных несоответствиях, которые сопровождали их отношения с новообретенным учителем. Успенского удивляет, что Гурджиев все время говорит о материальных затратах, намеренно завышая объемы вложенных или необходимых средств, в особенности то, что всем, даже материально необеспеченным ученикам предлагается вносить солидную оплату; не назначает заранее встреч, вынуждая учеников внезапно менять собственные планы по первому зову учителя; не договаривает определенных разделов и тем «работы», а часто и вообще дает на один и тот же вопрос противоречивые ответы. «Я сказал, что, по моему мнению, тысяча рублей в год – чересчур большая плата для многих людей, не имеющих собственных средств. Гурджиев возразил, что никакое другое решение этого вопроса невозможно, потому что в силу самой природы его работы он не в состоянии иметь много учеников. В то же время, он не желает и не должен (он подчеркнул эти слова) тратить собственные деньги на организацию работы. Его работа не имела и не может иметь характер благотворительной деятельности, и ученики сами должны изыскивать средства для того, чтобы нанимать помещение для встреч, проводить эксперименты и так далее. Кроме того, добавил он, наблюдения показали, что люди, проявляющие слабость в жизни, оказываются слабыми и в работе.

- Есть несколько аспектов этой идеи, – сказал Гурджиев, – работа каждого человека может

включать расходы, путешествия и тому подобное. Если же его жизнь организована так плохо, что тысяча рублей в год оказывается для него затруднением, ему лучше за эту работу и не браться. Предположим, по ходу работы ему потребуется поехать в Каир или в какое-то другое место. У него должны быть для этого средства. Благодаря нашему требованию мы узнаем, способен он работать с нами или нет. Кроме того, – продолжал Гурджиев, – у меня слишком мало свободного времени, чтобы я мог жертвовать его другим, не будучи уверен, что это пойдет им на пользу. Я очень высоко ценю свое время, потому что оно нужно мне и для моей собственной работы, потому что я не могу и, как сказал ранее, не должен тратить его непродуктивно. Есть во всем этом и другая сторона, – добавил он, – люди не ценят вещь, за которую не заплатили.

Я слушал его со странным чувством. С одной стороны, мне нравилось все, что говорил Гурджиев. Меня привлекало в нем отсутствие малейшей сентиментальности, обычных разглагольствований об «альтруизме», «работе на благо человечества» и тому подобное. С другой стороны, меня удивило видимое желание Гурджиева убедить меня в чем-то в вопросе о деньгах, тогда как я не нуждался в том, чтобы меня убеждали»⁶.

Очевидно, что оставаясь самостоятельным в оценках и поступках, Успенский, тем не менее, с большим интересом и доверием относится к системе Гурджиева, усматривая в ней откровение об эволюции человека, близкую ему интерпретацию универсума и особый скрытый смысл. Многократно возвращаясь к записям лекций и бесед с учителем, он воздаст ему должное как источнику новых знаний, но не отказывается от «неудобных» вопросов. Почему человек не эволюционирует, хотя потенциально способен и предназначен к эволюции? Как необходимо жить, чтобы запустить в себе этот удивительный механизм сущностной трансформации? Почему высшие силы не обеспечивают человечеству массовую эволюцию сознания? Каково место человека в универсуме и его реальные возможности? Если успех не гарантирован никакой системой и наводнен лжеучителями, как найти правильный и распознать ложный путь? Как понять, что такое высший уровень сознания с более низкого уровня знания и понимания, на котором находится трехмерный человек?

⁴ Там же. Гл. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Ответы на некоторые вопросы, из тех, что удастся получить у Гурджиева, вполне очевидны для Успенского, они согласуются с его собственными представлениями о человеке. Он находит подтверждение мысли, что человек это некая алхимическая лаборатория, вполне автоматизированная фабрика по трансформации одних субстанций в другие, по преобразованию энергий и направлению их в определенное русло. Трехмерный человек практически полностью бессознательная машина, которая потенциально способна при наличии достаточного количества энергии «пробудиться», расширять возможности восприятия, нарабатывать, растить «новые тонкие тела», каждое последующее из которых требует для своего роста обязательное развития предыдущих, а также правильной, сознательной работы низших витальных центров.

В диалоге с Гурджиевым Успенский понимает, что необходимая для эволюции энергия расходуется главным образом на ненужные и отрицательные эмоции, на ожидание возможных и невозможных неприятностей, на плохое настроение, излишнюю спешку, раздражительность, нервозность, воображение, мечтания и т.д. Энергия тратится и на неправильную работу центров, излишнее непропорциональное производимой работе напряжение мускулатуры; на непрерывную болтовню, которая поглощает огромное количество энергии; на «интерес», постоянно проявляемый к вещам, которые на деле не представляют никакого интереса; на растрачивание силы «внимания» и т.д. и т.п.

Искушенный современной философией читатель, наверняка вспомнит в связи с этими мыслями Успенского рассуждения Ницше о человеческом как слишком человеческом и современных философов-экзистенциалистов (Сартра, Хайдеггера, Камю), узнает в этих поисках проложившее себе в социально-политических трагедиях XX века понимание человека как не подлинного, живущего под властью иллюзорного мира и усредненного индивидуума. С одной стороны, человек с необходимостью погружен в этот не подлинный обезличенный мир, укоренен в нем как зерно в земле, обязан ему развитием собственной личности как совокупности социальных ролей и воплощений, а с другой, – его подлинная природа душа и сила семени сознательности не принадлежит этому миру трехмерных объектов и условных отношений. Человек способен на самопознание и пробуждение от механических иллюзий, на развитие своего подлинного существа.

С одной стороны, материальное воплощение необходимое и безальтернативное для духовного роста условие, «топливо духа», а с другой, – постоянное избыточное расходование энергии на суету материальных и социальных миров лишает человека возможности реальной работы по расширению собственного сознательного опыта. Сознание не принадлежит миру «очевидных нелепостей», мысль это взгляд человека из других, нежели известные три (длина, ширина, высота), измерений, но подобное откровение не предназначено для всех и каждого, пробуждение и эволюция сознания – удел немногих.

Интересно отметить, что работа «В поисках чудесного» написана в форме своеобразного автобиографического диалога Успенский-Успенский, который ведет Успенский от имени Гурджиева (закрывая сказанное Гурджиевым как ответы на вопросы Успенского в кавычки) с Успенским, который в почти дневниковом режиме оценивает сказанное Гурджиевым с точки зрения собственной системы представлений об универсуме. При этом стиль закавыченных реплик Гурджиева и размышлений Успенского почти не отличается. Создается впечатление, что Успенский заключает слова Гурджиева в кавычки, отдавая должное ему как источнику данного знания, но одновременно пересказывает услышанное, интерпретирует его сквозь призму собственных взглядов и интересов.

Для целей собственной практической работы Успенский принимает идею о том, что все психические процессы материальны. Все процессы нуждаются в ресурсах соответствующей каждому из них субстанции, причем в человеческом организме энергии одних субстанций преобразуются в другие. В случае истощения субстанции, прекращается и процесс. Человеческий организм в течение дня обычно производит все вещества, необходимые для следующего дня, но почти все эти вещества тратятся или поглощаются при какой-то ненужной, чаще всего неприятной эмоции. Плохое настроение, беспокойство, ожидание неприятного, сомнение, страх, чувство оскорбленности, раздражение, обида и т.д., как уже было отмечено, любая из этих эмоций, достигнув определенного уровня интенсивности, за несколько часов и даже мгновений способна поглотить все вещества, приготовленные для следующего дня; одна вспышка гнева, например, может взорвать все приготовленные в «лаборатории-человек» субстанции и внутренне опустошить человека не просто надолго, но даже, как пишет Успенский, навсегда.

Сегодня с этим утверждением согласятся многие современные психологи. Отрицательные эмоции, непрощенные обиды, постоянное беспокойство и стресс способны не только эмоционально опустошить человека, но и существенно снизить его способность к восстановлению потраченных резервов, привести к физической и моральной деградации. Здесь важно подчеркнуть, что современные психологи, как правило, серьезно озабочены тем, как заблокировать этот разрушительный процесс, вернуть человеку некую дееспособную и адекватную продолжению жизни в существующих условиях форму. Успенского же интересует, каким образом, сократив энергетические потери аккумулировать достаточное количество энергии для дальнейшей эволюции. Если трехмерный человек это только проекция подлинного человека, то как обрести сознание высшего порядка? Какое место занимают все эти эволюционные ступени человеческого в новой модели вселенной?

Примечательно, что новая модель вселенной для Успенского не чисто теоретическое абстрактно-математическое моделирование универсума, а, прежде всего, истинная картина мира, каждый элемент которой имеет не просто непреходящий смысл, но и практическое жизненное значение. Образ жизни, обеспечивающий реальную духовную работу и внутренний рост не просто связан с правильным пониманием бытия и соотношения бесконечных космосов, а напрямую следует из него. Более того, в определенном смысле правильное понимание, верное направление внимания первично по отношению к трансмутационным процессам внутри человеческого организма. Верно и адекватно усвоенная идея провоцирует перестройку организма, которую невозможно механически инициировать только с помощью комбинации материальных субстанций.

Заметим, что в современной литературе продолжают активные дискуссии по поводу «быстрорастворимого просветления», возможности при помощи комбинации определенных психотропных средств и физических упражнений добиваться почти мгновенно расширения сознания и т.п. И одной из наиболее взвешенных позиций выступает в этом вопросе позиция аналогичная озвученной и аргументированной Успенским в диалогах с Гурджиевым: технология и фармакология позволяет вызвать активную перестройку человеческого организма, но они не гарантируют эволюции сознания. А поскольку без сознательно-

го эмоционально-волевого участия человека в собственном пробуждении серьезная духовная работа невозможна, активная фармакология еще и крайне опасна для неподготовленного сознания. В последнем случае человек не отворяет дверь в мир неведомого и чудесного, осознанно пройдя путем инициаций и посвящений, а наркотически взрывает дверь в иные измерения, что лишает его не только возможности правильного видения и ориентации, но и делает беззащитным перед лицом мощной энергии иномерных идей.

Внимательный читатель без труда уловит в этих рассуждениях Успенского влияние восточной философии как практически ориентированного мировоззрения, теософского учения, открытий современного ему естествознания. Гурджиев здесь, осмелимся предположить, олицетворяет не только мудрость Востока, но и необходимую преемственность знания от учителя к ученику, возможность групповой работы, которая способна многократно умножить и интенсифицировать индивидуальные поиски Успенского.

С учением о космосах, уверен Успенский, непосредственно связана идея возможности расширения человеческого сознания, его познавательных способностей. В обычном состоянии человек осознает себя в одном космосе и рассматривает все космосы с точки зрения одного космоса. Расширение его сознания и повышение интенсивности психических функций приводят его в сферу жизни и деятельности одновременно еще двух космосов, причем одновременно одного высшего и одного низшего, т.е. большего и меньшего, высшего и низшего. Соответственно расширение сознания происходит не только в одном направлении большего космоса, а, направляясь вверх, оно одновременно направляется и вниз.

Подобное рассуждение для Успенского вполне соответствует герметическим и алхимическим принципам, теософским знаниям о человеке. Принцип «что вверху, то и внизу» оказывается одновременно обоснованным в нескольких системах представлений, которые так настойчиво и самозабвенно пытается синтезировать Успенский.

Цикл измерений «включает в себя семь измерений: нулевое, первое, второе, третье и т.д. – до шестого. Нулевое измерение, или точка, представляет собой предел. Это значит, что мы видим нечто как точку, но не знаем, что скрыто за этой точкой. Это может быть на деле и просто точка, т.е. тело, не имеющее измерений; но это может быть и целый

мир, однако мир, столь удаленный от нас или столь малый, что он кажется нам точкой. Движение этой точки в пространстве покажется нам линией. Точно так же сама точка воспримет пространство, по которому она движется, как линию. Движение линии в направлении, перпендикулярном ей самой, будет плоскостью; и сама линия воспримет пространство, по которому она движется, как плоскость... До сих пор я рассматривал линию с точки зрения точки и плоскость с точки зрения линии; но точку, линию и плоскость можно рассматривать также с точки зрения трехмерного тела. В этом случае плоскость будет разрезом тела, или его стороной; линия – границей, пределом, ограничивающим плоскость, или ее разрезом. Точка – границей, или разрезом, линии. Трехмерное тело отличается от точки, линии и плоскости тем, что оно имеет для нашего восприятия реальное физическое существование.

Плоскость – это, фактически, проекция тела; линия проекция плоскости, а точка – проекция линии. «Тело» имеет независимое физическое существование, т.е. обладает множеством разнообразных физических свойств. Но когда мы говорим, что какая-то вещь «существует», мы подразумеваем под этим существование во времени. Однако в трехмерном пространстве времени нет. Время выходит за пределы трехмерного пространства. Время, как мы его чувствуем, есть четвертое измерение. Существование для нас является существованием во времени. Существование во времени представляет собой движение или протяженность в четвертом измерении. Если мы примем существование за протяженность в четвертом измерении, если подумаем о жизни как о четырехмерном теле, тогда трехмерное тело будет его разрезом, проекцией или пределом...

Однако существование во времени не охватывает все аспекты существования. Кроме существования во времени, все существующее существует также в вечности. Вечность – это бесконечное существование каждого момента времени. Если мы мыслим время как линию, тогда эта линия будет в каждой точке пересекаться линией вечности. Каждая точка линии времени будет линией вечности. Линия времени будет в вечности плоскостью. Вечность имеет на одно измерение больше, чем время. Поэтому, если время представляет собой четвертое измерение, вечность есть пятое измерение. Пространство времени четырехмерно, а пространство вечности пятимерно. Далее, чтобы понять идею

пятого и шестого измерений, нужно установить некоторый взгляд на время.

Любой момент времени содержит определенное количество возможностей; в некоторых моментах это количество незначительно, в других – велико; однако оно никогда не бывает бесконечным. Необходимо понять, что, подобно тому как существуют возможности, существуют и невозможные случаи. ...Если мы возьмем как момент времени то мгновение, – когда существуют эти возможности, тогда следующий момент будет моментом осуществления одной из возможностей. Карандаш брошен на пол – это осуществление одной возможности. Затем наступает новый момент. Этот момент также имеет в некотором смысле определенное число возможностей. И следующий за ним момент опять будет моментом осуществления одной из возможностей.

Последовательность моментов осуществления одной возможности составляет линию времени. Но каждый момент времени имеет бесконечное существование в вечности. Возможности, которые были осуществлены, продолжают бесконечно осуществляться в вечности, тогда как неосуществленные возможности продолжают оставаться неосуществленными и неосуществимыми. Только эта система космосов идет еще дальше и объясняет многое, что не было ясно в моей «модели вселенной»⁷.

Из приведенного фрагмента видно, что идеи системы Гурджиева (в данном фрагменте речь идет об учении о космосах) оказываются созвучны давним результатам духовно-психологических поисков самого Успенского. Более того, благодаря Гурджиеву укрепляется вера Успенского в необходимость коллективной, групповой работы под руководством посвященного.

Гурджиев неоднократно подчеркивает, как отмечает в своих конспектах его лекций Успенский, что учитель и ученик неизменно взаимосвязаны, что для дальнейшей эволюции сознания необходим кумулятивный эффект, то, что не по силам одному, по силам группе. Уровень учителя соответствует уровню ученика, вместе с тем, для учителя невозможно эффективно подниматься по эволюционной лестнице, не подготовив на своем уровне достойного ученика. Можно сделать вывод, что в сложившихся обстоятельствах и убеждениях Успенский должен был продолжать участие в организации и проведении гурджиевской «работы».

⁷ Там же. Гл. 10.

Представляется так же, что все происходящее в гурджиевских группах было ценным материалом для Успенского-психолога, он мог наблюдать, как разные ученики воспринимают откровения учителя, каких практических результатов добиваются в «работе». Вместе с тем, по мере знакомства с идеями «работы» растет неудовлетворенность Успенского предложенными Гурджиевым трактовками, недостаточность получаемых ответов, необходимость дальнейшего возобновления самостоятельных поисков истинного тайного знания.

«Подводя итог сказанному, можно перечислить рассмотренные различными авторами причины разрыва Успенского и Гурджиева. Среди них называют:

- а) разрушительное влияние на Успенского созданной Гурджиевым атмосферы, отсутствие пространства рядом с Гурджиевым для его самостоятельной работы;
- б) нежелание Гурджиева, которого Успенский называл «загрязненным источником», терпеть рядом с собой сильного человека с устойчивыми нравственными критериями;
- в) неспособность Успенского подвергнуться трансформационным процессам и подняться по «лестнице» к пути;
- г) разрыв был спровоцирован Гурджиевым для развития самостоятельности Успенского;
- д) столкновение или сговор «двух магов».

Наиболее вероятной причиной разрыва некоторые исследователи называют толчок, данный Гурджиевым Успенскому в сторону самостоятельной инициативы для «реализации своего бытия». Гурджиев, естественно, различал среди своих учеников людей зрелых и духовно одаренных, или, как говорил Беннет, потенциальных посвященных, самым любимым и обещающим среди которых был Успенский, и людей заурядных, к которым у Гурджиева были совсем другие требования. Этим, по-видимому, объяснялось то пристрастие, с которым относился учитель к своему любимому ученику, и то утрирование различий между «путем позора», которым шел учитель, и путем высокого интеллектуализма и нравственной ответственности, которому следовал ученик. Гурджиев доводил это различие до разрушительной степени и потому в качестве одной из наиболее вероятных причин разрыва многие исследователи усматривали нежелание Гурджиева видеть рядом с собой человека со строгими нравственными принципами и правилами, которые Успенский распространял

также и на Гурджиева и которые неизбежно ограничивали свободу проявлений последнего; стремление Гурджиева подчинить все стороны жизни и «работы» своему единоличному контролю и отсутствие рядом с ним места для самостоятельной работы. Другие, беря сторону Гурджиева, видели причину разрыва в неспособности и нежелании Успенского идти по пути, который предлагал ему Гурджиев и который означал полную отдачу себя учителю. Третьи полагали, что разрыв был спровоцирован Гурджиевым, который извлек из него для себя двойную пользу, ибо Успенский, не мешая ему, продолжал издали искренне служить Гурджиеву⁸.

Так или иначе, с 1924 г. Успенский продолжил свою работу в Лондоне. Создается впечатление, что в этот период для него было важно вернуться к собственным оригинальным идеям и дать им новую редакцию и интерпретацию. Так, в 1931 г. на английском языке была опубликована «Новая модель вселенной». В предисловии автор указывал, что данная книга была начата и практически завершена до 1914 г., и то небольшое, что удалось добавить к одной из глав, связано с новыми открытиями в области современной физики. Система Гурджиева фактически не упоминается, но она словно проступает сквозь текст, являя сохранившуюся теоретическую преемственность.

После 1931 г. работа духовного учителя Успенского была главным образом связана с развитием психологической системы, основанной на изучении «само-сознания» и «объективного сознания». Поскольку связь с «загрязненным источником» (Гурджиевым) была разорвана, а нового чистого источника найдено не было, Успенскому и его последователям приходилось ждать, когда «внутренний круг человечества» обратит свой взор на ищущее братство. Именно с этой целью, по словам Успенского были приданы публичной огласке отдельные аспекты тайного учения, значительно расширился круг учеников. Некоторые из последних (Джонн Беннетт и Морис Николл) получили возможность вести собственные группы. Среди поклонников и посетителей Успенского в довоенной Англии были такие известные личности как Бернард Шоу, Олдос Хаксли, Геральд Нерд, Кристофер Ишервуд. Однако, несмотря на расширяющееся культурное влияние психологической «работы» учителя и ее финансо-

⁸ Ровнер А. Успенский с Гурджиевым // Гурджиев и Успенский. (URL: <http://fourthway.narod.ru/lib/rovner/gau7.htm> (дата обращения: 13.12.2013)).

вую стабильность (в 1935 г. Успенский переехал в большой дом с фермой в Шурее, а в 1937 г. в Колет хаузе было основано Историко-психологическое общество), Высший источник не спешил вступать с ними в контакт.

В связи с начавшейся в 1939 г. Второй Мировой войной, работать в Англии становилось все труднее. В 1941 г. Успенский принимает решение о переезде в Америку, оставляя ученикам завет о продолжении «работы» по выработанным им за 20 лет образцам.

Возобновив в Нью-Йорке публичную деятельность по преодолению в человеке «механичности» (обретению сознания, совести, воли и памяти себя), Успенский был олицетворением интеллигентности, вежливости и такта. Однако оборотной стороной уравновешенного и терпеливого наставника были черты человека неуверенного в правильности и результативности пути, которым он теперь идет. По словам его учеников, духовный пастырь все чаще бывал замкнутым и раздражительным. Примечательны и его долгие молчаливые раздумья за стаканом крепкого питья, которым он предавался по ночам. Тем временем его собственные ученики расширяли границы дозволенного и разглашали тайны работы. Больной и постаревший учитель принимает решение вернуться в Англию, о чем и объявляет на последней нью-йоркской лекции летом 1946 г.

С этого времени Успенский больше не проповедовал никакой генеральной линии, оставляя ученикам свободу искать собственную точку опоры. Последние месяцы его жизни были окутаны загадкой и тайной. Во встречах с учениками (в Лондоне в 1947 г.) с большим трудом угадывается прежний Успенский. Теперь учитель замкнут, нелюдим и с трудом отвечает на вопросы о системе. Он заявляет, что больше ничего не может дать своим последователям, системы нет, а есть только индивидуальный выбор и ответственность, необходимо все начинать сначала. Кажется, что учитель болен и находится в подавленном состоянии не только тела, но и духа. Однако такое впечатление Успенский производил не на всех.

Многие в последние месяцы жизни учителя наоборот отмечали как раз его иномирность, запредельность обыденному состоянию и уровню бытия, телепатическое общение. Для последних учитель представлялся просветленным, достигшим тайного знания и обретшим, наконец-то, новое измерение – подлинную реальность. Известно,

что в это время он посещал места Англии, с которыми был раньше связан, как будто прощаясь с трехмерным миром навсегда.

Смерть Успенского 2 октября 1947 г. не только поставила точку в его земной жизни, но открыла тайны той напряженной интеллектуальной работы, которую он вел последние 30 лет. Его творческий гений нашел выражение в двух посмертно изданных произведениях «В поисках чудесного» («Фрагменты неизвестного учения») и «Психология возможного развития человека». Добровольно взявший на себя обет молчания относительно глубинного содержания системы, он теперь мог приоткрыть над ней тайную завесу. Очевидно, что цена, которую он готов был заплатить, за «пробуждение» и обретение истинного знания была ни больше и ни меньше, чем цена его собственной жизни. Жизни чудака, странника, интеллектуала-отщепенца, мягкого человека твердо стоящего на своих принципах, лектора, теоретика и практика расширения сознания, вечного духовного искателя и экспериментатора, который постоянно подвергал сомнению приобретенные высшие знания, но никогда – их необходимое существование.

«Несколько лет назад, – писал Успенский в 1945 г., – я стал получать письма от читателей моих книг. Во всех письмах содержится один и тот же вопрос: что я делаю *сейчас после того, как написал книги*, которые были опубликованы на английском языке в 1920 и 1931 гг., а написаны в 1910 и 1912 гг.

На эти письма мне никогда не ответить. Для этого потребовались бы книги и книги. Но тех из написавших мне, кто были лондонцами, я пригласил к себе, потому что с 1921 г. я жил в Лондоне, и организовал для них курс лекций. В этих лекциях я попытался дать ответ на вопросы, разъяснить открытое мною после написания этих двух книг, дать представление о направленности моей работы.

В 1934 г. я написал пять предварительных лекций, дающих общее представление о моих исследованиях и об основных линиях работы вместе со мною определенного числа лиц. Невозможно было вместить все это в одну-две или даже три лекции, я всегда предупреждал, что от одной-двух лекций мало толку, и только пять, а лучше десять лекций могут дать представление о моей работе. С тех пор я, читая эти лекции, корректировал и переписывал их все это время.

В целом я находил организацию удовлетворительной. Пять лекций читались в моем при-

сутствии или без меня; слушатели задавали вопросы; если они стремились следовать данным им советам и указаниям, относящимся в основном к самонаблюдению и определенной самодисциплине, то у них постепенно возникало вполне достаточное рабочее понимание того, чем я занимался.

Конечно, все это время я сознавал, что пяти лекций недостаточно, и в беседах, которые следовали за ними, я развивал и расширял эти предварительные данные, стремясь показать людям их положение относительно *Нового Знания*.

Я нахожу, что главной трудностью для большинства было осознание того, что они действительно слышат *новые вещи*, ранее ими не слышанные.

Они не обязательно это формулировали, но умом своим они всегда этому противоречили и переводили услышанное на привычный им язык, каким бы он ни был. А это я, конечно, не мог принимать в расчет.

Я знаю, нелегко осознать, что слышишь *новые вещи*. Мы приучены к старым мелодиям и мотивам, мы уже давно перестали надеяться и верить, что может быть нечто новое. И когда мы слышим новое, то принимаем его за старое или думаем, будто можно объяснить и истолковать новое старым. Совершенно верно, что это трудное дело – осознать возможность и необходимость совершенно новых идей; это требует со временем переоценки всех привычных ценностей.

Я не могу гарантировать вам того, что вы услышите с самого начала эти новые, то есть не слышанные ранее, идеи; но если вы терпеливы, то скоро начнете замечать их. И тогда я желаю вам не пропустить их и постараться не толковать их по-старому. Нью-Йорк. 1945 г.»⁹.

Размышляя о судьбе теоретического наследия Успенского, о современной интерпретации его философских идей, следует отметить, что судьба эта не менее драматична, чем его жизнь. Прежде всего потому, что для многих Успенский как самостоятельная философская фигура не существует. Его имя нередко стоит не просто рядом с Гурджиевым, но в прямом и переносном смысле после него: упоминается среди прочих учеников и последователей, в то время как его собственные

идеи остаются в тени. Можно даже сказать, что беззаветное служение Успенского идеям «четвертого пути» сделало его философским пленником гурджиевской «работы».

Не удивительно, что после смерти Успенского, а в скором времени и Гурджиева, многочисленная «паства четвертого пути» пребывала в растерянности и щедро давала ответвления от «генерального» курса его основателей. Фанатично преданные и наиболее предприимчивые организовывали собственные школы; одни стремились законсервировать учение, другие – творчески развить; одни сохраняли преемственность «гурджиевско-успенского» противостояния, другие – искали синтез и компромисс. Новые интерпретационные модели расцветали даже на отдельных фрагментах или идеях системы. Одни, опираясь на известные принципы и запреты, – выборочно практиковали память себя, другие преимущественно копировали атмосферу – самозабвенно физически трудились и вечерами организованно пили арманьяк. Случались и проекты коммерческого применения работы, например, по использованию технологий системы для повышения уровня производственной мотивации (американской телефонной компанией «Пасифик белл»). Небезынтересно также, что в настоящее время в Америке разработаны всевозможные «технологии озарения», широко применяемые в тренингах творческого потенциала и развития корпоративной культуры. Заметим, что на первый план здесь, к сожалению, выдвигается не моральное совершенство, а максимальная эффективность в достижении утилитарных целей¹⁰. Остается надеяться, что одно действительно не существует без другого, поэтому эволюция человека актуализирует не только прагматические цели, но и высокие ценности.

Кроме того, используя новые коммуникационные возможности и маркетинговые технологии обработки новообращенных, на просторах Старого и Нового Света возникали всевозможные общины (например, американское «Содружество друзей», благополучно функционирующая в Интернете и поныне)¹¹. Большинство из

⁹ Успенский П.Д. Введение // Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека. Космология возможной эволюции человека. СПб., 1995. (URL: <http://www.apollo.org/russian/index.html> (дата обращения: 18.12.2013)).

¹⁰ См., например: Бенсон Г., Проктор У. Как стать гением. М., 2004.

¹¹ См., например: The Fellowship of Friends, интернациональная Школа Четвертого Пути «Содружество друзей». (URL: <http://www.apollo.org/russian/index.html> (дата обращения: 18.12.2013)).

таких центров развития человека оказались весьма далекими от изначальных целей и принципов. Некоторые даже радикально изменили общий подвижнический настрой: теперь занятия проходили в непринужденной, веселой обстановке, и работа напоминала скорее приятное времяпрепровождение, чем неустанную практику сознательной самотрансформации. Очевидно, что предупреждение Успенского об опасности и серьезности соприкосновения неподготовленного сознания с идеями тайного знания, было при этом забыто.

Достоинно внимания, что историческая родина успенско-гурджиевской совместной работы – Россия, после революции 1917 г. долгое время оставалась почти незатронутой идеей «четвертого пути». Оккультно-эзотерическая приверженность идеям тайного знания на протяжении длительного времени оставалась опасной для жизни духовной ориентацией. Поэтому подобные увлечения были тщательно законспирированным делом разрозненных групп и одиночек. Даже в 60-е гг., во времена так называемой «оттепели» общая тенденция к неформальным объединениям и индивидуальным поискам высших измерений сохранилась. России было далеко до масштабных западных организаций, обществ и фондов. Вместе с тем, следует признать, что именно российская ментальность всегда была наиболее благодатным материалом для всевозможных духовных практик. Наверное поэтому Г.И. Гурджиев изначально принес свое знание в Россию, а его наиболее талантливым и идейно преданным учеником стал русский мыслитель П.Д. Успенский. Западная же действительность оказалась слишком утилитарной и плоской, чтобы принять в себя эзотерическую глубину гурджиевских идей. Однако ее было вполне достаточно, чтобы обеспечить им долгую жизнь и коммерческий успех.

П.Д. Успенский умер более полу века назад. Почти столько же прошло и с момента смерти Г.И. Гурджиева. Некоторые, разделяемые этими мыслителями идеи, ассимилированы трансперсональной и виртуальной психологией, другие – нашли подтверждение благодаря развитию квантовой физики и теории «физического вакуума». Однако в настоящее время мы все еще в основном пожинаем эзотерические плоды, привитые на раскидистое дерево западной цивилизации. «Сытые недовольные» учителя предлагают

материально пресыщенным прихожанам модифицированный духовный продукт – нетрудоемкое пробуждение и просветление. Отдельные фрагменты системы тиражируются под патронажем психотерапевтических, оккультно-эзотерического, «ню-эйджевских» и т.д. групп. В родном отечестве можно сегодня свободно приобрести прозападное «Пробуждение» Ч. Тарта и работы классиков жанра – Гурджиева и Успенского. Но потребительский менталитет выбирает знание адаптированное и доступное, принципиально совместимое с сытой и комфортной жизнью. И только избранные готовы посмотреть на себя без прикрас, отвергнуть мутное питье загрязненных источников и ринуться в трудный поход за каплей живой воды. Возможно именно для них, для гипотетических мужественных благодарных потомков оставил свои труды и напутствия П.Д. Успенский. Он учился, боролся, искал, страдал и работал для того, что бы подарить миру фундаментальный итог и последнее откровение своей жизни – «путь есть, но каждый должен идти по нему сам!»

Литературные и философские произведения Петра Демьяновича Успенского:

Четвертое измерение. Обзор теорий и попыток исследования области неизмеримого (1909, 1910).

Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. Введение в изучение теософии, мистики и оккультизма (1912).

Искания новой жизни. Что такое йога (1913).

Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах (1912).

Внутренний круг. О «последней черте» или о сверхчеловеке. (Две лекции). (1913).

Кинемодрама (не для кинематографа). Оккультная повесть из цикла идеи «вечного возвращения» (1915).

Разговоры с дьяволом. Оккультные рассказы, Изд. А.П. Брянчанинова («Новое звено»). (1916).

Letters from Russia, in the *New Age* (September 4, November 27, December 4, December 11, December 18, December 25, 1919).

New Model of the Universe (London and New York, 1931; London and New-York, 1934).

In Search of the Miraculous (New York, 1949; London, 1950).

The Psychology of Man's Possible Evolution (London, 1947; New York, 1974). The Forth Way, New York, 1957.

Conscience. The Search for Truth (London, Boston and Henley, 1979).

Список литературы:

1. Бенсон Г., Проктор У. Как стать гением. М., 2004.
2. Гуревич П.С. Что такое негативная антропология? // *Философия и культура*. 2013. № 3. С. 275-278. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.1).
3. Ницше Ф. Стихотворения и философская проза. СПб., 1993.
4. Ровнер А. Гурджиев и Успенский. (URL: <http://fourthway.narod.ru/lib/rovner/gau7.htm> (дата обращения: 13.12.2013)).
5. Успенский П.Д. Tertium Organum: Ключ к загадкам мира. М., 2000.
6. Успенский П.Д. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения. СПб., 1992. (URL: <http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).
7. Успенский П.Д. Введение // Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека. Космология возможной эволюции человека. СПб., 1995.
8. Успенский П.Д. Дальнейшие записи. Выдержки из бесед 1928-1945. (URL: <http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (дата обращения: 18.12.2013)).
9. Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993.
10. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.
11. The Fellowship of Friends, интернациональная Школа Четвертого Пути "Содружество друзей". (URL: <http://www.apollo.org/russian/index.html> (дата обращения: 18.12.2013)).

References (transliteration):

1. Benson G., Proktor U. Kak stat' geniem. M., 2004.
2. Gurevich P.S. Chto takoe negativnaya antropologiya? // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 3. S. 275-278. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.1).
3. Nitsshe F. Stikhotvoreniya i filosofskaya proza. SPb., 1993.
4. Rovner A. Gurdzhiev i Uspenskii. (URL: <http://fourthway.narod.ru/lib/rovner/gau7.htm> (data obrashcheniya: 13.12.2013)).
5. Uspenskii P.D. Tertium Organum: Klyuch k zagadkam mira. M., 2000.
6. Uspenskii P.D. V poiskakh chudesnogo. Fragmenty neizvestnogo ucheniya. SPb., 1992. (URL: <http://www.ezoterik.info/4thway/library/poiski.htm> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).
7. Uspenskii P.D. Vvedenie // Uspenskii P.D. Psikhologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka. Kosmologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka. SPb., 1995.
8. Uspenskii P.D. Dal'neishie zapisi. Vyderzhki iz besed 1928-1945. (URL: <http://www.sufism.ru/4thway/books/further17.htm> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).
9. Uspenskii P.D. Novaya model' vselennoi. SPb., 1993.
10. Frank S.L. Nepostizhimoe // Frank S.L. Sochineniya. M., 1990.
11. The Fellowship of Friends, internatsional'naya Shkola Chetvertogo Puti "Sodruzhestvo druzei". (URL: <http://www.apollo.org/russian/index.html> (data obrashcheniya: 18.12.2013)).